

Целитель.

Глава 10.

- Что будем смотреть?

- А что ты предлагаешь?

Гашиш и Кокаин обменивались этими вопросами последние полчаса. Афиша киноцентра CGV пестрила названиями фильмов, но выбирать было на самом деле не из чего. Закупившись продуктами в супермаркете, молодые люди прошлись по магазинам одежды, а кто-то забежал в салон красоты. Кокаин и Гашиш не захотели возвращаться, не посмотрев кино.

- Я хочу посмотреть этот фильм, - сказал Кокаин и ткнул пальцем в один из постеров.

Гашиш нахмурился. На плакате видом сверху изображались четыре пожилых мужчины под падающим снегом.

- Главные персонажи старики. Понятно, это что-то наивное и скучное.

- Наивное и скучное - то, что надо сейчас. Мы каждый день видим бандитов, извращенцев и больных людей. Погляди на лица актёров. Уверен, это будет милая комедия. Ну как?

- Ладно. Я куплю билеты.

Он ущипнул Кокаина за щеку и прошёл к кассе. Даже когда Гашиш сопротивлялся, он всё равно мог поддаться на уговоры. В детстве его тоже кастрировали, но в отличие от других, этот парень был высоким и обладал крепким телосложением. Голос Гашиша имел теноровый диапазон. Привлекательной внешностью юноша притягивал женские взгляды, особенно когда не носил сценический костюм.

В возрасте 13 лет Гашиш потерял бабушку, единственного близкого человека. Потом недолгое время он жил у родственников, но столкнувшись с их презрением, сбежал. Живя на улице он присоединился к банде карманников. Ги Ха, знакомый с этой бандой, его заметил и забрал. Певцы «Парадизо» считали Гашиша старшим братом. Если нужно было договориться о чём-либо с боссом, это делал Гашиш и всегда заступался за своих коллег. За всех, кроме Ябы.

Гашиш вышел из кассы и купил кофе на обратном пути.

- У нас ещё час до сеанса. Я-то думал, почему сегодня много стариков, оказывается из-за фильма, - сказал он протягивая своему другу напиток.

- Кстати, пока тебя нет дома, он снова может испортить твои вещи.

- Кто?

- Псих, кто же ещё. Он уже ломал твою маску, когда остался дома один, и твой лист посетителей порвал. Даже подарки от клиентов испортил. Какой же он придурок! Он с детства такой? Я слышал, вы жили в одном районе.

- Тогда всё было иначе. Он один заботился о больном брате, и, поверь, не каждый выдержал бы такую жизнь.

Увидеть, как на твоих глазах взрываются головы. Тебя кастрируют и сажают на цепь. Ты превращаешься в марионетку. Поистине, не каждый выдержал бы такое. Кроме того, Ябу мучили комплексы неполноценности и он покатился по пути неудачника. Но сам Яба так не думал. Он боролся изо всех сил, чтоб вырваться из кошмара того дня. Приглушить в себе его отголоски у него получилось только полностью закрывшись в коконе безучастия. Теперь оставалось сбежать из этого адского места.

Кокаин открыл стакан с кофе и сделал глоток. Горький напиток обжёг его язык.

- Этот чокнутый вчера вернулся с разбитым лбом. Так странно, что его одного отправили на заказ. Думаю, это как-то связано с Исполнительным директором Ча. Яба что-то рассказывал?

- Когда Яба что-то рассказывал!

- Вы живёте в одной комнате, и не общаетесь? Хм, даже не знаю, что и думать...

- Это из-за Ябы.

«Нет, не только из-за него». Когда-то они подружились и поделили тёмное детство... но стали врагами, сломавшими жизнь друг другу. Теперь по разные стороны красной линии они вели взаимное наблюдение, пытаясь держаться в строю. Оставалось кое-что выяснить по поводу Ябы: прав ли оказался Кокаин в своих догадках в момент их первой встречи.

Кокаин тоскливо посмотрел на вывеску.

- Между прочим, - продолжил Гашиш, отпив кофе, - Исполнительный директор Ча раньше приходил почти каждый вечер, а сейчас уже четвёртый день от него ни слуха ни духа.

- Наверное, много работы.

- Какой работы!.. Он постоянно пьяный или на наркоте.

Это именно то, к чему Гашиш вёл разговор. Кокаин вздохнул.

- Дон У.

Вне стен общежития они называли друг друга настоящими именами. Че У и Дон У.

- Меня не волнует, куда поехал Яба и что там делает. Возможно кому-то нравится именно его голос. Или это действительно связано с господином Ча. Не собираюсь выяснять. Я устал и не хочу напрягать связки в течение дня.

Гашиш горько улыбнулся.

- Понимаешь, почему я так говорю? Каждый раз, когда ты не находишь господина Ча в списке своих посетителей, у тебя такое лицо! Видел бы ты себя.

- Это касается всех постоянных клиентов, которые перестают приходить. Ты выдумываешь.

- Не притворяйся. Знаешь, иногда ты хуже Ябы? – обиженно пробормотал Гашиш. - Ты умнее любого из нас, но когда косишь под дурачка, это раздражает.

Кокаин всегда оставался нейтральным. Он никому не показывал того, что лежало на сердце, но и скрывать свои чувства получалось не очень. Поэтому близкое общение с ним отнимало много сил.

- Ты прав. Это кино, скорее всего, наивное и скучное. Давай вернём билеты и уйдем.

Игнорируя сердитый взгляд Гашиша, Кокаин прошёл мимо. Люди вокруг занимались своими делами. Какой-то мужчина покупал билеты и успокаивал свою нервную пассивность. К кинозалам спешили парочки с бумажными ведёрками попкорна, у постера с мультфильмом рыдал ребёнок и дёргал мать за руку. Перед глазами Кокаина как на экране пронеслось его детство. Он никогда не сможет стать одним из этих людей в толпе. Из-за кого? Виноват ли Яба, что, напуганный до смерти, выдал его? Или виноват босс? Или Им Су, который подчинялся его приказу? А может мать, зарабатывающая на таланте своего ребёнка? Или это из-за того, что бог даровал ему то, чего он не хотел?

Он с радостью избавился бы от своего дара хоть на время. Если кто-то из коллег заболел или получил травму, то сразу бежал к Кокаину. Юноши уже не заботились о лечении, а всецело полагались на него. Иногда от усталости хотелось отказать кому-то, но стоит это сделать и на тебя посмотрят совсем по-другому. Целитель – не панацея. Иногда то, что они слепо доверяли Кокаину свою жизнь, душило его. Было ли это доверие дружеским, или же – как у пациента к врачу? Кокаин хотел ощутить себя просто живым... рядом с тем, на кого его песни не

оказывают чудотворного эффекта, с кем он освободился бы от ярма целителя.

И такой человек находился совсем рядом. Он мог рассмешить до коликов, а иногда заставлял Кокаина почувствовать своё бессилие перед властью наркотиков и алкоголя.

Телефон в кармане куртки не давал ему покоя, пальцы постоянно тянулись к кнопке вызова. Личные контакты с клиентами запрещались. Босс не сомневался, что если такое случится, его доход упадёт. Когда Кокаин отправил Ча И Соку своё фото, то не стал сразу удалять номер. Он запомнил его наизусть, а затем стёр, чтоб не оставлять следов. Кокаин передвигал ногами как на автопилоте, продолжая играть мобильником в своём кармане.

- Что с тобой? Говорили тебе, сиди дома. Кто-нибудь помогите! Ну же, вставай.

Прямо перед кассами на полу лежал бледный пожилой мужчина и хватался за грудь. Вокруг него суетилась женщина. Она звала на помощь, пытаясь поднять своего мужа, и не знала, что делать. Люди вокруг переговаривались, не решаясь подойти. Гашиш достал свой телефон. Кокаин схватил его за руку и помчался в сторону кабинок касс. Друг неуверенно следовал за ним.

- Оттащим его к запасному выходу.

- Не трогайте его! Мальчики, что вы делаете?

- Не волнуйтесь, тётушка, подождите минуту.

Женщина пыталась отпихнуть юношей, метаясь от одного к другому. Гашиш приподнял старика, словно знал, что надо делать. Окружившие их люди приглушённо бормотали, продолжая глазеть. Юноши пронесли мужчину через запасной выход и захлопнули дверь. Старик держался за сердце и хватал ртом воздух, его ноги и руки похолодели. Кокаин осмотрел лестничную площадку, и убедившись, что на других этажах нет посторонних, спросил у женщины:

- Что у него болит?

- Уважаемый, у него инфаркт миокарда! Поэтому доктор запретил ему нагрузки. Надо срочно скорую.

- Дайте мне три минуты. Как раз за это время приедет скорая.

- Вы, наверное, врач?

- Я не врач.

- Тогда вы студент-медик?

Гашиш попытался её успокоить.

- Он не студент, но поверьте, он знает, что делает.

Напряжённое лицо пожилой женщины смягчилось, но её ещё трясло. Времени на убеждения не оставалось, старик уже лежал без сознания, и Кокаин не раздумывая наклонился и запел ему на ухо арию Царицы ночи*. По лестничным пролётам понеслись трели яркой колоратуры. Кокаин использовал сложную технику, чтоб открыть доступ крови к сердцу, расщепить тромбы в артериях и восстановить эластичность сердечной мышцы.

* П.П.: Вторая Ария Царицы ночи или «Der Hölle Rache kocht in meinem Herzen» из оперы Моцарта «Волшебная флейта» (Die Zauberflöte). Опера известна тем, что многие связывают с ней кончину Моцарта. Якобы его убили масоны, не простившие ему то, что он вывел на сцене в «Волшебной флейте» масонские идеи и ритуалы.

Бабушка таращилась на поющего юношу, как на сумасшедшего. По истечении трёх минут живой цвет лица вернулся к мужчине. Дыхание стало ровным.

- Дорогой, ты в порядке? Ты узнаёшь меня? - спросила женщина.

Мужчина слабо кивнул и открыл глаза. Кокаин вздохнул с облегчением.

- О, Господи! - залепетала женщина, вытирая слёзы. - Миленький, как ты это сделал? Ты шаман?

Кокаин улыбнулся в ответ. Недуг мужчины был посерьёзнее простуды, и избавить от него за один раз Кокаин не мог. Он убрал только локальную причину приступа. Юноша хотел пригласить пожилую пару в Парадизо, но их скромный внешний вид заставил его промолчать.

- С ним такое уже случалось. Доктор сказал, это может повториться. Сегодня он захотел пойти в кино и я не смогла его удержать, - болтала женщина, взяв руки Кокаина в свои ладони, теплые и грубые как кора дерева. - Я так испугалась, думала, что это конец! Спасибо вам, молодые люди! Спасибо, спасибо!

Когда пожилые супруги ушли, Гашиш хлопнул друга по плечу.

- Чёрт, если босс узнает, то взбесится! Он говорит, твой талант надо расходовать только на особых людей.

- Он не узнает. Если ты не проболтаешься.

- И что мне за это будет?

От неловкости их недавнего разговора не осталось и следа. Кокаин улыбнулся и поднялся. В один момент потолок заходил ходуном. Ноги Кокаина ослабели, но Гашиш успел его подхватить. Он выглядел встревоженным.

- Что с тобой? Ты в последнее время какой-то бледный. Не стоило нам в это ввязываться.

- Иногда у меня кружится голова.

- После такой напряженной недели это неудивительно. Давай зайдём к врачу.

- Просто пойдём в общежитие. Я хочу прилечь, - ответил Кокаин.

Гашиш закинул его руку себе на шею и, обхватив за талию, повёл к лифту. С улицы доносились звуки сирены.

* * *

- Не могу. Я никогда этого не делал.

Яба в нерешительности остановился перед дверью. Ча И Сок оглянулся.

- Никогда не делал?

- Я никогда не пел один.

В его задачу входило только украшать пение Кокаина и мило улыбаться. Кокаин неизменно оставался солистом, и другие юноши не имели возможности проявить себя. Поднимаясь по ступенькам, Яба в ужасе осознал, что петь ему придётся одному.

От мысли, что его голос будет отчетливо слышен, Ябу прошиб холодный пот. В сравнении с прекрасными сопрано коллег, голос Ябы звучал как треск рвущейся ткани.

Яба достал из кармана таблетку, которую из его руки тут же выхватил Ча и Сок. Он нахмурился рассматривая оранжевую капсулу.

- Где ты взял это лекарство?

- Ги Ха. В больнице.

- В какой больнице?

- В какой-то.

- И когда ты начал?

- Когда-то.

Ча И Сок скосил взгляд.

- Сколько в день ты принимаешь?

- Пять. Три утром и две после обеда.

- Неслабо... – буркнул Ча И Сок.

Яба не помнил ни о причинах его расстройства, ни когда именно он подсел на антидепрессанты. Казалось, он даже забыл Яба пребывавал в среднем состоянии. Приняв таблетку, он не переживал ни радости ни грусти, и тем не менее, продолжал иногда сражаться с насекомыми, пытаясь их выжечь или вырезать. Каждый раз Ги Ха приносил больше таблеток. После антидепрессантов резкие перепады настроения сходили на нет, но в то же время Яба становился беспомощным и заторможенным. Если бы его пырнули ножом, единственный вопрос, который у него возник бы: «Откуда у тебя нож?»

- Дай мне таблетку, - сказал он, протянув руку. Ча И Сок положил капсулу в раскрытую ладонь.

- Не моё дело, конечно, - сказал он, опустив голову, - но не глотай всё подряд, что дают. С таблетками становится легче, ты перестаёшь делать многие глупости, но они превратят тебя в идиота – это лишь вопрос времени.

«Чёрт, он говорит странно». Кокаин, Гашиш, другие певцы-евнухи, и даже Ги Ха, который приносил Ябе таблетки, не упускали случая напомнить ему, что лучше от них отвыкать. Яба отмахивался от вечного брюзжания. Однако этим вечером в первый раз он испытал неловкость.

Яба отвернулся, перекатывая таблетку в руке. В коридоре стоял кулер. Яба взял чашку, но, ощутив дискомфорт от чужой посуды, вернул её обратно. Он набрал воды в ладонь и запил таблетку. Эффект антидепрессанта проявится позже, но факт его приёма вселял чувство безопасности. Вода, просочившись сквозь пальцы, стекла по шее под рубашку. Действия юноши сопровождал взгляд за спиной. Яба посмотрел назад. Ча И Сок отвёл глаза, словно ничего не заметил, и надавил на дверную ручку. Внезапно он нахмурился и сжал пальцами виски.

- У тебя болит голова? - спросил Яба, наблюдая боковым зрением.

- Иногда кажется, что вот-вот взорвётся. Особенно в такие дни, как сегодня.

Ча И Сок резко распахнул дверь. Сердце Ябы ушло в пятки, когда он увидел комнату. Мягкое прикосновение руки повлекло его внутрь.

- ...мне хотелось убить его на месте. Обычно я пытаюсь наладить контакт, но понял, что это безнадежно, - монолог Ча Мён Хвана, судя по всему, затянулся и, закончив свою фразу, он тяжело дышал.

- Ну ладно. Все гении в какой-то степени социопаты.

«Хм.. О чём он вещает?» - нахмурился Яба.

Кожа землистого цвета обтягивала череп Мён Хвана. На сетчатом лице отпечатались бдения прошлой ночи.

- Сними эту страшную маску, мои глаза сейчас задымятся!

- Мои - тоже. Снимай свою маску, а я - свою.

- Ах ты!.. - сухое как бумага лицо смялось в презрительной гримасе.

Ча И Сок, усевшись в стороне, прикрыл веки и незаметно улыбнулся.

В этот день рядом с Ча Мён Хваном находилась женщина.

- Милый. Ты обещал...

На встречу она надела чёрную юбку с воланами и кремовую блузку, словно хотела казаться старше и статуснее. Лицо этой женщины дышало молодостью и красотой и, будь на ней простые джинсы с рубашкой, она вполне сошла бы за студентку колледжа. Она приблизилась к Ябе и наклонилась, пытаясь поймать его взгляд. В этой комнате на маску Ябы посягали уже четвёртый раз. Пернатый атрибут не давал людям покоя.

- Господин Кокаин, верно? Мы о вас наслышаны. Я хорошо знаю Ча Мён Хвана, и прошу вас ему помочь. Вы - наша последняя надежда.

- Не уверен, что могу ему помочь.

- Мы пойдём на любые ваши условия. Прошу вас...

Ябу кольнуло незнакомое чувство, когда он смотрел в заискивающие глаза и слышал умоляющий тон. Кокаи всегда испытывает то же самое? Как переменятся эти люди, если узнают, что тот, за кого они цепляются, переступая через свою гордость, - фальшивка. Как поведёт себя Ча И Сок, если его план провалится? Финал этого спектакля был неизвестным, и он уже начался.

Яба отдернул руку из цепкой хватки женщины. Ча Мён Хван устремил гневный взгляд на жену.

- Если собираешься молотить языком, то лучше уйди. Из-за тебя мне надо терпеть это унижение, - сказал он ей.

Яба вздохнул.

- Ты это слышала? Он ещё не пришёл в чувства. Прежде чем лечиться от рака, ему сначала нужно стать человеком.

- Раньше он был добрым и милым. Но болезнь его изменила. Пожалуйста, отнеситесь к нему снисходительно.

- Дело не в болезни, а в том, что ты с ним няньчишься, как с ребёнком. Опомнись, если хочешь вернуть себе мужа.

- Няньчишься? Как ты смеешь так говорить? - возмутился Мён Хван.

- Милый, прошу тебя.

- Он нарочно провоцирует! Этот молокосос не видит границ! Что ты себе позволяешь? Кх... кх... кх...

Ча Мён Хван закашлялся так сильно, что, казалось, развалится на части. Его глаза метали молнии.

- Мы пришли туда, откуда начали, - протянул Яба, - и лично мне плевать.

Ча Мён Хван прикусил губу, мышцы на его щеках пришли в движение. Ча И Сок громко вздохнул.

- Старший брат. Я едва уговорил его приехать снова, зачем тратить время друг друга?

- Но этот малолетка!..

- Брат, если тебе не по душе, давай на этом закончим. Не будем его задерживать.

Ча И Сок сказал спокойным, но твердым голосом. Мён Хван хрипло вздохнул и, едва сдерживаясь, смог произнести только...

- Хорошо.

Качнув холодный воздух, женщина прошла к своему мужу и села рядом. Она мягко улыбнулась Ча И Соку и помогла Ча Мён Хвану принять вертикальное положение. Тот посмотрел на гостя.

- Ладно... Твои песни, что возвращают к жизни... дай нам их оценить.

- ...

Яба вспомнил про необходимость петь в одиночестве. Он боялся, что его волнение заметят и попробовал задержать учащённое дыхание, но от этого стало только хуже. Ча И Сок расселся на диване и равнодушно наблюдал, склонив голову набок. Этим вечером говорила в основном госпожа Ча, и весь её вид выражал полное доверие. Мён Хван был как открытая книга. Три пары глаз излучали разные эмоции и испытывали Ябу. Он отчаянно старался собраться с мыслями. Похоже, таблетки пока не подействовали. Яба хотел скрыться от настойчивых взглядов и отвернулся, почёсывая шею и руки.

- Может начнёшь? - рявкнул Ча Мён Хван. - Или ты способен только огрызаться?

- Не бери в голову, - произнес Ча И Сок. - Успокойся и спой что-нибудь.

Яба нервно пожёвывал губы. От Кокаина он узнал, что при лечении больных, находящихся на грани смерти, быстрый эффект даёт мощное пение в высоком регистре. Это работало только для Кокаина, но сейчас Ябе придется ему подражать.

Он не мог сосредоточиться. В ушах стоял гул. Из круговорота мыслей, роящихся в голове, Яба пытался поймать хотя бы одну. Сердце словно молотком пробивалось сквозь грудную клетку. Яба ощущал себя бесполезным, как пустоты в его мошонке. Их следовало чем-то наполнить. Даже если это будет самая заурядная песня.

- Долго нам ещё ждать? - не выдержал Ча Мён Хван.

Когда голову охватил жар, меж мозговых извилин проснулся червь. Он выбрался и, прорыв себе путь сквозь сетку кровеносных сосудов, вылез у самого уха. Червь что-то нашёптывал. Лакуны постепенно заполнились и из своей правой пустоты Яба извлёк звук. Он поднял

подборок и повернул лицо к Ча Мён Хвану. В комнате раздались пронзительные звуки скрипки, которые выходили из самой глубины горла Ябы. Юноша пел арию Царицы Ночи:

«Der Hölle Rache kocht in meinem Herzen, Tod und Verzweiflung, Tod und Verzweiflung flammet um mich her!» *

* П.П. здесь и далее пер.с нем:

«В душе моей, объятай жаждой мести,

Сомнениям нет места,

Пусть вкусит тяжких мук

Он из твоих рук».

Слегка скрипучее мальчишеское сопрано вуалью накрыло слушателей. С каждым словом оно всё больше наводняло комнату, обостряя органы чувств. Люди изумлённо замерли и казалось даже затаили дыхание. Ча И Сок медленно выпрямился, не спуская с певца распахнутых глаз. Ритм и техника исполнения не были отработаны, но голос захватывал и увлекал, как шёпот страстного наставника. Крик Царицы ночи окрасил серый воздух в багрово-красный цвет, раскаляясь и поднимаясь. Голос Ябы метнулся на самую высокую ноту и ария заиграла великолепным стаккато.

«Должен теперь

Навек уйти Зарастро,

Навек уйти Зарастро.

Да будет проклят он,

Тобой казнён.

А если нет-

Не дочь ты больше мне.

Отвергну я тебя.»

* Полный текст на немецком в конце главы.

Яба наполнил легкие холодным воздухом. Однажды Кокаин пересказал ему содержание этой арии. Он говорил, что невежество равносильно неуважению. Яба тогда усмехнулся, но потом его скепсис улетучился. Партия царицы заморозила юношу.

У прекрасной властительницы ночи похищают дочь. Виновник – таинственный волшебник Зарастро. Царица-мать просит принца Тамино вызволить её дитя. В награду она обещает отдать её принцу в жёны. Тот проникает в замок Зарастро и пытается освободить девушку.

Яба догадался об истинном смысле, скрытом в этой истории. Тамино служил всего лишь пешкой в планах Царицы. Зарастро похитил Памину, чтоб защитить её от коварства матери. Но за этим он утаил другой мотив. Волшебник страстно желал Памину и хотел ею завладеть. Царица ночи была очень ревнива, она завидовала красоте своей дочери и её сильному любовнику.

Напряжение в голосовых связках постепенно угасло, они разогрелись и стали гибче. Давным-давно Яба открыл для себя мир музыки, в котором имели значение только старые тексты песен и его голос. О том времени в памяти сохранились лишь мелкие фрагменты.

Царица навещает свою дочь, которая томится в башне. Мать давит на неё, приказывая убить Зарастро, того, кто её отверг в пользу юной Памины. Не желая уступать красоте своей дочери Царица вкладывает в её руки кинжал, и велит зарезать им волшебника. Старость противостоит молодости. Стремление заполучить вечность не даёт покоя миру.

Царица сама хотела быть похищенной Зарастро!

Певец собрал всю силу голоса в точке резонанса, чтоб дойти до пика этой партии. Он широко открыл рот и опустил гортань, приближаясь к пламенному апогею арии Царицы.

«Должна помочь,

Иначе – ты мне не дочь.

А! А! А! А! А-а-а-а...»

Пронзительный возглас блеснул лезвием, ударив металлом о металл. Волны высокой частоты атаковали живую материю. Каждый волосок на теле встал дыбом и, казалось, невидимая сила вырывает их все разом. Глазное давление Мён Хвана поднялось и лобную кость распирало изнутри, на висках вздулись ломаные линии вен. Жадный крик Царицы безжалостно впился в его спину ледяными когтями.

- А-а-а, - простонал Ча Мён Хван.

Ча И Сок расстегнул пуговицу и ослабил воротник. Он повёл головой, разминая шею, словно её сдавили. Жуткий звук не позволял ему набрать воздуха полной грудью, не выпуская из облака незримой пыли. В попытке противостоять хищному голосу, Ча И Сок до скрежета стиснул зубы.

Ча Мён Хван и его жена не скрывали эмоций. Исполнение повергло людей в шок: кристальный приятный звук в какой-то момент превратился в ледоруб, крушащий всё, что попадётся на пути.

То было воплощение Царицы, которая зажгла пламя мести.

То был голос демона, забравшего её душу:

«В позоре и несчастье

Останешься. Одна ты

В том будешь виновата.

Отвергну я тебя.

Забуду твоё имя,

Из моей памяти ты сгинешь

Навсегда.

Отвергну я тебя.

Уйдёт с пути

Он, жизнью заплатив».

Голос, который парил под потолком, стал мрачным и густым, словно собравшая влагу туча. Балансируя на предельной высоте, Яба задрал подбородок и занёс кулак с невидимым ножом. Каждый раз, когда в его интонации накатывали волны гнева, перья со стразами на маске дрожали. Вибрато, достигшее конечной точки, не сбилось ни на волос и напоминало колебания струн. Они лопались и отскакивая секли кожу Ча И Сока. В это же время снизу медленно поднимался жар.

Яба извергал в воздух яд на разрыве голосовых связок. Вопль пустоты, которую он так

ненавидел, возвещал о его существовании.

Принц воссоединился с Паминой. Зловещий мир, созданный Царицей ночи, рухнул и на небе засиял Владыка-солнце. В белом платье рука об руку с принцем Памина торжествует над поверженной матерью. Свадебный наряд предназначался Царице. Летающая пыльца была её плотью и кровью, а свадебный марш – предсмертный криком. Всего лишила её Памина, мерзавка, что насмеялась над матерью и кичилась своей молодостью!

«Мечь! Мечь! Мечь моя страшна!

Мести жажду я!»

В горячем исступлении связки и внутренности Ябы расплавились, превратившись в бесформенную массу. Не успела стихнуть последняя фраза Царицы ночи, как он вынул другую песню из своей левой пустоты.

«Ах этот голос, я слышу сладкий голос

Желанный звук ласкает моё сердце!

Эдгардо! Ты покори́л меня,

Эдгардо, Эдгардо милый.» ***

***ПП.: полный перевод «Арии безумия» и текст на итальянском в конце главы.

Теперь когда всё выжжено, настало время возвращаться к безмятежному вакууму. К ледящему космосу, от которого промерзают плоть и кости... Мелодия звучала вязко словно трясина: благородная кровавая ария Лючии, убившей супруга в первую брачную ночь...

«И теперь ты мой, я теперь твоя,

Богом ты был мне дарован.

Я разделить лишь с тобою

Радости жизни готова.

Рука об руку идём мы,

Нам ангелы благоволят»

Ария завершилась. Казалось, прошло сто лет. Яба не ощущал своё тело, ни рук ни ног. Он будто дрейфовал на спине посреди океана. Лицо и одежда намокли от пота, каждый вдох и выдох обжигал нутро как пар от кипятка.

Кап... кап... плеск из капельницы эхом раздавался в комнате. Яба опустил подбородок и отвернулся. Его мозг расслабился: наконец таблетки подействовали. Язык тоже обмяк. Через мгновение обзор прояснился и Яба разглядел лица братьев Ча. Они сидели с безмятежным видом и стеклянными глазами и не выказывали ни одобрения ни критики. Такое выражение остается после просмотра фильма ужасов.

- Ну, я пошёл, - сказал Яба и покинул комнату. Пока он шагал по коридору и спускался по ступеням за спиной всё ещё висела тишина.

Выйдя на улицу, он понял, что уже стемнело. Юноша закашлялся, во рту появился привкус металла. Ария Царицы ночи исполняется в высоком регистре и даже самые опытные обладатели сопрано лишались голосов. Поэтому Кокаин редко к ней прибегал. Спеть нашуевшую арию в её оригинальной тональности было практически невозможно. Но Яба это сделал, и теперь его ноги подкашивались. Он искал место, чтоб присесть.

Ябе хотелось смыть прилипшие к нему странные взгляды и белую пену образа Царицы. А ещё - выпить горячей воды и лечь на что-нибудь мягкое. Пока он спускался, непонятное выражение лица Ча И Сока не давало ему покоя.

Почуввав движение, доbermanы бешено залаяли. Яба остановился в нерешительности и сделал шаг назад. Даже когда охранник натянул поводок, собака, брызгая слюной, едва не цапнула Ябу передними лапами.

«Глупые животные, от которых только шум и грязь». Юноша попятился, натолкнувшись на стену, упругую и тёплую.

- Стой.

Низкий властный голос прозвучал над его ухом. Большая рука взяла Ябу за предплечье и развернула. Тело Ябы крутнулось со скрипом, как старая железная дверь. Перед ним стоял Ча И Сок.

«Его глаза смотрят непривычно, как на инопланетянина». Чуждое место, чужой взгляд. Ча И Сок сегодня был действительно странный. Возможно, после вчерашней ночи? Сердце Ябы заходило от волнения и тело тряслось. Немного успокоившись, он сказал:

- В любом случае, я предупреждал...

Он снова замолчал. Мышцы его лица онемели от тяжёлого взгляда напротив.

- Тебе в клуб? – спросил Ча И Сок, потянув Ябу в сторону гаража.

Он забрался на водительское кресло, а Яба открыл дверь с другой стороны.

- Нет. В общежитие.

«И как я спел? Сильно ужасно это было?»

Яба не ждал одобрения, а хотел узнать, как звучит со стороны. Внезапно он понял, что садится на пассажирское место впереди, хотя собирался занять заднее сиденье. Как только дверь захлопнулась на его колени легли три голубых чека. Он повернул голову, Ча И Сок убирал в карман бумажник.

- Я буду платить тебе за работу. Если босс их отнимет, скажи мне.

Яба погрузился. Такие же чеки вчера он получил в этой машине. Тот поцелуй был оплатой. А оплата – это поцелуй? Значит Ча И Сок сейчас его поцеловал? Яба сложил голубые листки вдвое и спрятал в карман брюк. Он отвернул лицо к окну. Пот, капающий с его чёлки, вызывал жжение в глазах.

- Маска... – заговорил Ча И Сок. - Если тебе от неё душно, сними её.

Яба тревожно тербил свою «защитную мембрану», боясь далеко убирать руки. «Что он подумал, когда увидел это лицо?»

- Мне от неё не душно.

- Но мне душно, - тут же последовал ответ.

- От моей маски? Если кому должно быть душно - то мне.

- Ну раз, должно быть, тебе душно - сними её.

- Я не говорил, что мне душно.

- Ты сказал, возможно, в ней душно.

- Я не так сказал.

Уголок рта мужчины приподнялся, и Яба понял, что поддался на его шутливую провокацию. Он уставился на профиль своего оппонента. Да, вчера сердце Ябы едва не растаяло от этих губ. Когда он это осознал, ему стало стыдно.

Неожиданно Ча И Сок резко протянул к нему руку. Яба подпрыгнул и молниеносно вжался между креслом и дверью. Ча И Сок достал петлю ремня безопасности за головой Ябы и, натанув, защёлкнул замок.

- Ты думал, я сниму её? - сказал Ча И сок подняв бровь.

Яба промолчал, удивленно моргая.

- Даже если я одолею молотилку твоих ног, я не смогу снять маску. Твои руки постоянно по ней елозят.

Дикая кошка притаилась и насупилась, плотно сжав губы. Ча И Сок улыбнулся, наблюдая за ней. В прорезях маски настороженно поблёскивали два магических оникса. Мужчина положил руку на руль и завёл двигатель. Он отвернулся. Яба проверил надёжность узла на затылке и вытер манжетой вспотевшее лицо. Щёки и шея взмокли, но маску он так и не снял.

Рельефный овал лица и красный рот притягивали внимание, хотя Ча И Сок боролся с желанием смотреть в сторону пассажира. Он подавил в себе порыв сдернуть маску, применив силу. На его руках проступили вены. Мужчина переключил рычаг коробки передач и машина тронулась. Невзирая на его грубые движения автомобиль, плавно скользил, выезжая из гаража.

Ча И Сок потёр шею, управляя рулём одной рукой. Область позвоночника пульсировала из-за напряжения, которое он испытывал когда Яба пел. Тот всегда стоял в тени Кокина, и Ча И Сок считал его посредственным певцом. Но Яба снова его удивил. Совсем недавно его голова раскалывалась, но во время пения боль прошла.

Кокаин нежно исцелял, окутывая мягкой пеной, а голос Ябы был влажным и мрачным, как сердце глубокого моря. Пение Кокаина струилось флейтой, а этого парня можно сравнить с виолончелью. А еще... с ледорубом, от звука которого хотелось съёжиться в комок.

Ча И Сок провел языком по внутренней стороне щеки. В тот момент, когда ария закончилась, его накрыла жажда. Жажда, услышать это снова, даже если челюсти парня придётся разжать силой, чтоб заставить петь. Ча И Сок не сомневался: это всего лишь отпечаток прошлой ночи. Костёр, полыхающий в его глазах, отбросил последние искры и погас.

Конец 10-й главы.

П.П.: Il dolce suono (с итал. — «Сладкий звук») — ария с элементами речитатива из оперы «Лючия ди Ламмермур» (итал. Lucia di Lammermoor) Доницетти, известная как «Ария безумия».

Перевод с итальянского:

Ах этот голос, я слышу сладкий голос.

Желанный звук ласкает мое сердце!

Эдгардо! Ты покори́л меня,

Эдгардо, Эдгардо милый.

Да, я теперь твоя.

И не дотянутся до нас враги,

А-а-а-а, твои враги.

Но холод пробирает насквозь

Трепетную душу мою

Кусает страх

В парке присядем мы у фонтана,

Будем беседы вести как и раньше.

Смотри, против нас восстаёт призрак мрачный!

Давай затаимся, Эдгардо, за стенкой алтарной

На ковре из роз.

Гимна венчального рядом

Слышно аккорды

В лад небесному хору.

Брачные ждут нас обряды.

Полный восторг!

Не выразить словами

моё блаженство!

Вокруг мерцают

Огни лампад сакральных,

Зажжёны свечи.

Я твоя невеста,

О, как прекрасно!

А вот и пастор.

И теперь ты мой, я теперь твоя,

Богом ты был мне дарован.

Я разделять лишь с тобою

Радости жизни готова.

Рука об руку идём мы,

Нам ангелы благоволят. ***

П.П.: Текст на итальянском Il dolce suono из оперы «Лючия ди Ламмермур» (итал. Lucia di Lammermoor) Доницетти:

Il dolce suono mi colpì di sua voce! Ah, quella voce m'è qui nel cor discesa! Edgardo! io ti son resa. Edgardo! Ah! Edgardo, mio! Sì, ti son resa! fuggita io son da' tuoi nemici. Un gelo me serpeggia nel

sen!trema ogni fibra!vacilla il piè!Presso la fonte meco t'assidi alquanto!Si', Presso la fonte meco t'assidi.

Ohimè, sorge il tremendo fantasma e ne separa!Qui ricovriamo, Edgardo, a piè dell'ara.Sparsa è di rose!Un'armonia celeste, di', non ascolti?Ah, l'inno suona di nozze!Il rito per noi s'appresta! Oh, me felice!Oh gioia che si sente, e non si dice!Ardon gl'incensi!Splendon le sacre faci, splendon intorno!

Ecco il ministro!Porgimi la destra!Oh lieto giorno!Al fin son tua, al fin sei mio,a me ti dona un Dio.Ogni piacer più grato,mi fia con te divisoDel ciel clemente un risola vita a noi sarà.

*

П.П.: Текст на немецком 2-й Арии Царицы ночи из оперы Моцарта «Волшебная флейта» (Die Zauberflöte).

Der Hölle Rache kocht in meinem Herzen,Tod und Verzweiflung,Tod und Verzweiflung flammet um mich her!Fühlt nicht durch dich

Sarastro Todesschmerzen,Sarastro Todesschmerzen,Sot du meine

Tochter nimmermehr.Sot du mei, meine

Tochter nimmermehr.

Aaaaah...Meine Tochter nimmermehr.Aaaaah...Sot meine Tochter nimmermehr.

Verstossen sei auf ewig und verlassen sei auf ewig,Zertrümmert sei auf ewig alle Bande der Natur,Verstossen, verlassen, und zertrümmertAlle Bande der Natur, alle Baaaa...Aaaaah...,

Bande, alle Bande der Natur,Wenn nicht durch dich

Sarastro wird erblassen!Hört, hört, hört Rache, - Götter! -Hört der Mutter Schwur.

<http://bllate.org/book/14585/1293806>